

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Воспоминание о путешествии в Иерусалим

Опубликовано:
Христианское чтение. 1893. № 5-6. С. 540-560.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбДА
Санкт-Петербург
2009

Изъ воспоминаній о путешествіи въ Іерусалимъ.

III. По пути изъ Іерусалима ¹⁾.

Невесела дорога, ведущая изъ св. града. Лишь только отъѣхали мы версты двѣ-три отъ Іерусалима, предъ нами открылась настоящая пустыня—каменистая; если и попадались намеки на обитаніе, то эти намеки переносили наше воображеніе къ временамъ давно прошедшимъ, оставившимъ послѣ себя однѣ развалины. Пустынность увеличивалась отъ такого же безмолвія нашего возницы, какимъ отличался и возница нашъ отъ Яффы къ Іерусалиму. При спускахъ въ долины видѣлись по мѣстамъ и деревья (исключительно масличныя), но весьма древнія, стволы которыхъ насъ сквозь источены червями, такъ что и эти растительные свидѣтели давно минувшаго краснорѣчиво говорили, что насадившіе ихъ давнымъ давно отошли къ предкамъ, не оставивъ по себѣ и преемниковъ, которые бы окопали эти маслины и позаботились о ихъ процвѣтаніи. Попадались и поля, но совершенно обнаженные, такъ какъ время созрѣванія и жатвы уже миновало, и только кое-гдѣ воды, какъ и во времена гомеровскія, своими широкими копытами вытаптывали зерна изъ разбросанныхъ кучами колосьевъ, что равнялось нашему молоченію. Въ отдаленіи отъ дороги, большею частію надъ обрывами, видѣлись какія-то башни и другія каменные, обветшавшія сооруженія; но все это имѣло опять такой же сѣроватый цвѣтъ, какъ и окружающая мѣстность, и представлялось болѣе произведеніемъ самой природы, чѣмъ дѣлами рукъ человѣческихъ. Были въ этой каменной пустынѣ и два-три оазиса (хана или гостиницы), но они доставляли отдыхъ и нѣкоторое услажденіе пшеничными отрубями (замѣняющими нашъ овесъ) лишь нашимъ неприхотливымъ лошадкамъ, которыя вслѣдствіе этого бодрѣ «затрясли колесничное дышло», и къ началу шестого часа по полудни привезли

¹⁾ Окопчаніе. См. «Христ. Чтеніе» ноябрь—дек. 1892 года.

насъ въ область яфскихъ садовъ, огражденныхъ непроницаемыми кактусами, а въ шесть часовъ и въ самую Яффу.

Въроятно, по внушенію А. М., сдѣланному ею нашему возницѣ, съ которымъ она сѣумѣла какъ-то объясниться по тамошнему, наши узелки, саки и тючки прежними же спиральными переходами и грязными корридорами подняты были на высоту— не знаю какого—этажа и повергнуты къ ногамъ Маріи (содержательницы страннопріимнаго дома), которая сохранила точно такое положеніе, при какомъ мы простились съ ней за три недѣли передъ этимъ: на томъ же краю балкончика, обращеннаго вовнутрь дворика, на той же низенькой табуреткѣ и съ тѣмъ же невыпускаемымъ изъ рукъ и неугасающимъ «наргилѣ», какъ мы ее видѣли и прежде. Подумаешь, что это окаменѣвшая фигура. Когда А. М. отнеслась къ ней съ просьбою на счетъ самовара и прибавила: нельзя ли достать воды изъ Антониновскихъ источниковъ, она и тутъ, не тронувшись съ табуретки, къ которой, повидимому, была прикована, она передала приказаніе своему либо внугу, либо племяннику. Обыкновенные наши древесные уголья тамъ не извѣстны, а въ употребленіи или каменный уголь или какіе-то желѣзистые шлаки (выгорки), съ трудомъ разламываемые и, при паденіи, издающіе металлическій звонъ; поэтому долго-долго пришлось намъ дожидаться согрѣванія самовара. Заодно съ водой изъ Антониновскаго пріюта принесли намъ и исполинскій, величиной съ «римскій огурецъ» лимонъ. Самоваръ мы вынесли на возвышенную террасу, сосѣдную съ отведенною намъ комнатою и обращенною къ морю, и съ этой террасы любовались и поверхностью моря, и качавшимся на ней нашимъ пароходомъ, и верхушками сгруппировавшихся яфскихъ построекъ, а нѣсколько позже и небомъ, устѣяннымъ яркими звѣздами. Для нашего ночлега имѣлось только двѣ кровати, а потому иные улеглись на полу, а мой не исполинскій ростъ позволилъ мнѣ избрать себѣ логовищемъ подоконникъ.

Докторъ рекомендовалъ намъ морское купанье, но въ первый вечеръ мы ограничились купаньемъ въ морскомъ воздухѣ, а не въ водѣ. Зато съ самаго утра слѣдующаго дня начался для насъ водолечебный курсъ. Курсъ этотъ, впрочемъ, былъ очень коротокъ, всего три ванны принято, тѣмъ болѣе, что предстоявшее намъ 10—12-дневное пребываніе въ морской атмосферѣ во время плаванія могло почти замѣнить морское купанье. Поэтому, когда около полудня 31 іюля раздался пароходный звонокъ, мы поспѣшно сложили свои пожитки и, въ сопровожденіи каваса, направи-

лись мимо конторы консульства, гдѣ обратно выданы намъ наши 5-рублевые залоговѣ, къ пристани. Съ такою же ловкостью, какъ и прежде, перебросили насъ на девятомъ валѣ перевозчики черезъ яфскую «Спиллу и Харибду», и, подхвативъ подѣ руки, сдали насъ матросамъ парохода «Цесаревичъ», уже разводившаго свои пары. Въ 4 часа дня мы тронулись съ мѣста и, какъ я узналъ, не по тому же самому пути, по которому шли изъ Константинополя до Яффы, а по другому, извѣстному подѣ названіемъ «кругового», какъ это видно будетъ изъ дальнѣйшаго.

Черезъ полсутокъ со времени выхода изъ Яффы, придерживаясь восточныхъ береговъ Средиземнаго моря, мы бросили якорь у самаго Бейрута. Городъ небольшой; всего 12,000 жителей, но весьма живописный: на возвышенномъ берегу, съ прекрасными домами, съ обширными садами, мѣстность эта считается самою здоровою на всемъ восточномъ берегу (западномъ сирійскомъ), преимущественно въ ея окрестностяхъ населенныхъ богатыми европейцами. Съ пристани видѣли мы нѣсколько щегольскихъ экипажей чисто европейскаго типа, запряженныхъ стройными и бойкими рысаками.

По причинѣ разгрузки и нагрузки пароходу пришлось стоять здѣсь до поздняго вечера, точнѣе до самой ночи, а потому, несмотря на продолжавшуюся еще слабость отъ палестинской маляріи, я воспользовался перевозчикомъ и высадился на берегъ, гдѣ сряду же начинаются разныя торговыя заведенія. По подъему горы, по которому расположены довольно грязныя магазины, сталъ было я подниматься выше и выше, но почувствовалъ, что силы мои должны мнѣ скоро измѣнить, и потому, утоливъ жажду двумя стаканами какого-то бѣловатаго, очень холоднаго напитка (въ родѣ подбѣлленнаго лимонада), налитаго изъ стекляннаго боченка разносчикомъ, поторопился обратно на пароходъ къ своей братіи, тѣмъ болѣе, что христіанской церкви, гдѣ можно было бы вспомнить праздникъ 1-го августа, мнѣ не попалось, а проводника на этотъ разъ у меня не было.

Раннимъ утромъ слѣдующаго дня мы пристали къ другому порту, Триполи, но здѣсь выхода на берегъ совсѣмъ не было, а только простояли нѣсколько часовъ, потребныхъ для обмѣна почтовой корреспонденціи и для сдачи груза и замѣны его новыми товарами. Съ берега видѣлась каменистая стѣна, окружающая городъ, съ укрѣпленнымъ замкомъ, съ нѣсколькими мечетями и синагогами и съ одною римско-католическою церковью.

Изъ Триполи мы вышли въ 4-мъ часу дня. Вѣтеръ поднялся

довольно пронзительный, началась легкая качка. Одна изъ спутницъ моихъ крестьянская дѣвица поусердствовала всѣ сбереженія своихъ многихъ трудовыхъ годовъ пожертвовать на путешествіе къ святымъ мѣстамъ Палестины и, когда узнала о нашихъ сборахъ въ Іерусалимъ, упросила взять и ее съ собой, но, на бѣду оказалось, что она весьма воспримчива къ морской болѣзни, и сильно страдала отъ нея уже при нашемъ переѣздѣ, особенно отъ Константинополя до Яффы, такъ что потомъ не могла равнодушно и смотрѣть на открытое море—даже тогда, когда оно было спокойно (что, однако же, бываетъ рѣдко). Въ Смирнѣ, когда всѣ мы высаживались для осмотра города, она «Христа ради» выпросилась повидать землю, ступить по ней хоть нѣсколько шаговъ. Дѣйствительно, на твердой землѣ она ожила, а потому при дальнѣйшихъ нашихъ высадкахъ мы всегда брали ее съ собой на берегъ. Вотъ и теперь она лежала на палубѣ подъ натянутымъ въ родѣ шатра парусомъ (тентомъ). Вѣтеръ между тѣмъ усиливался. По распоряженію капитана матросы начали снимать паруса и подкрѣплять палубныя выдающіяся пароходныя снасти, и при этомъ къ несчастью одна изъ нихъ сильно ударила ее по головѣ. Мы, благодаря знакомству А. М. съ старшимъ офицеромъ парохода, отрекомендовавшей ему и насъ, довольно долго пользовались привилегированнымъ положеніемъ, и въ настоящія минуты съ высоты рубки любовались игрою морскихъ волнъ, а потому и не знали, что творится близъ носа. Но намъ скоро сказали, что наша компаньонка тяжело ранена въ голову и лежитъ въ безпамятствѣ. Первымъ милосердымъ самаряниномъ для раненой былъ какой-то чернокожій египтянинъ или египтянинъ, не имѣвшій на себѣ никакой одежды, за исключеніемъ препоясанія: онъ первый окатилъ ее холодной водой и тѣмъ пробудилъ жизнедѣятельность, затѣмъ явился и медикъ, бывшій на пароходѣ, и сталъ являть свое искусство надъ пробитымъ черепомъ нашей паломницы, начавъ съ того, что, по его распоряженію, ей обрили голову, прикладывали чѣмъ-то пропитанную гигроскопическую вату, давали внутрь крѣпкое вино, даже коньякъ, всю голову покрыли повязками. Въ такомъ положеніи она была и до 6-го августа, когда я, убѣдившись, что улучшенія въ теченіе четырехъ дней не послѣдовало, и сознавая, что на мнѣ, какъ на старшемъ въ нашей паломнической компаніи, лежитъ обязанность попечительства, счелъ необходимымъ о фактѣ нанесенія тяжелой раны заявить подлежащему начальству. Это сдѣлано мной при первой стоянкѣ, гдѣ имѣется русское консульство, именно въ Смирнѣ,

хотя къ сожалѣнію ничего не только здѣсь, но и въ Одессѣ не было достигнуто этимъ въ удовлетвореніе потерпѣвшей.

Въ 7 часовъ утра 3-го августа завидѣли мы, съ правой отъ насъ стороны, островъ Кипро (Кипръ). О величинѣ острова можно судить по тому, что мы, не останавливаясь ни на минуту и все подвигаясь впередъ, имѣли его предъ своими глазами до 1 часу пополудни, слѣд. протяженіе береговой линіи его верстъ 200. Въ житейскомъ отношеніи островъ извѣстенъ своимъ вкуснымъ сладкимъ виномъ.

Поздно вечеромъ мы проходили мимо самаго большого въ греческомъ архипелагѣ острова Крита, жители котораго стяжали себѣ, еще въ вѣкъ апостольскій, незавидную славу, что они «присно лживы», и эту славу закрѣпилъ за ними св. апостоль Павелъ, сказавъ, что «свидѣтельство сіе истинно есть» (Тит. I, 12. 13). Въ болѣе ранній, мифологическій періодъ, о—въ Критѣ считали родиной Миноса и Радаманта—дѣтей Зевса, изъ коихъ первый прославился при жизни своимъ законодательствомъ (Od. XIX, 451), а по смерти, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, Радамантомъ, былъ назначенъ судьей въ царствѣ тѣней (XI, 567). На этомъ же островѣ помѣщали знаменитый лабиринтъ, въ которомъ обитало чудовище минотавръ, ежегодно припимавшее отъ аѳинянъ въ дань по семи юношей и по семи дѣвушекъ, пока чудовище это не было убито Тезеемъ, сыномъ Егея.

Раннимъ утромъ 4 августа, по той же сторонѣ, гдѣ островъ Кипръ, показались намъ въ нѣкоторомъ отдаленіи и берега Малой Азіи, а часовъ въ 11 утра уже проходили у самаго острова Родоса. Старшій офицеръ парохода, не рѣдко вступавшій съ нами въ бесѣду, указалъ намъ на два, не очень близкія другъ отъ друга, береговыя возвышенія и пояснилъ, что эти возвышенія служили когда-то опорю для ногъ знаменитаго колосса родоскаго, между которыми, по преданію, проходили корабли. Извѣстно, что колоссъ этотъ не просуществовалъ и 60 лѣтъ, что скоро онъ, «смиривъ свой гордый видъ, пересталъ быть чудомъ свѣта», что бронза, изъ которой онъ былъ сооруженъ, сарацинскимъ калифомъ Моавіею продана какому-то жиду. Насупротивъ Родоса — цѣлая группа острововъ, которые, хоть издалека, встрѣчали и провожали насъ до самаго наступленія «амброзической ночи». Около 6 часовъ утра слѣдующаго дня мы попали снова на тотъ самый путь, по которому слѣдовали изъ Константинополя, когда еще направлялись въ Палестину, и около 7 часовъ пристали къ «скаламъ обильному» Хіосу, а черезъ сутки (слѣд. 6 августа) и въ знакомую

уже намъ Смирну, гдѣ такъ любезно знакомилъ насъ со своимъ музеемъ г. Питтагасъ.

Между тѣмъ, какъ другіе наши, въ обществѣ съ консульшею яффою (настоящаго консула въ Яффѣ нѣтъ, а какой-то чинъ пониже консула, который публикою именуется консуломъ), съ которою мы познакомились, благодаря той же А. М—нѣ, отправились побродить по городу, я прямо съ пристани сѣлъ на конку и устремился по набережной до консульства (опять съ тою же цѣлью объ удовлетвореніи пострадавшей). Къ 12 часамъ мы условились сойтись въ томъ же *ξενοδοχείον*ѣ, съ которымъ познакомилась на пути къ Іерусалиму. Не столько тутъ имѣлось въ виду насыщеніе въ запасъ, сколько экзаменъ своего аппетита и вкуса. Намъ подано быть приблизительно то же, что подавалось и прежде, но тутъ блистательнымъ образомъ подтвердилась справедливость замѣчанія какого-то древняго, не особенно глубокаго мудреца, что самая лучшая приправа къ кушаньямъ—аппетитъ. А такъ какъ у насъ отнята его іерусалимская малярія и возвратомъ еще медлила, то все предлагавшееся въ гостинницѣ оказалось намъ не по вкусу, хотя лимонами и другими пикантностями въ томъ же родѣ и не поскупились. Такимъ образомъ пришлось заплатить за «поглядѣнье».

Часовъ въ 5 пополудни мы тронулись съ мѣста, и тутъ я слегка познакомился и съ извѣстнымъ эсаудомъ Пѣшковымъ, котораго встрѣтилъ однажды и въ Іерусалимѣ, не зная, что это Пѣшковъ; совершивъ на своемъ конѣ путешествіе изъ далекой Сибири въ Петербургъ, онъ теперь возвращался изъ Іерусалима, чтобы потомъ побывать и на Аѳонѣ и посѣтить Кавказъ.

Близъ Дарданеллъ стояли мы часа два съ небольшимъ, и затѣмъ миновали Галлиполи, на этотъ разъ, при полномъ освѣщеніи, оправдавшій свое названіе «города красоты» или «красиваго города» (Каллиполисъ отъ *κάλλος* красота и *πόλις*—городъ): съ рубки виднѣлись двѣ гавани съ кораблями, множество мечетей съ неизбѣжными при нихъ минаретами и даже съ фонтанами арабской работы.

Въ 4 часа утра 8 августа мы бросили якорь въ Константинополь и опять вблизи самаго Пантелеймоновскаго подворья. Съ такимъ же радушіемъ, какъ и прежде, встрѣтилъ насъ, принявъ на свою лодку монахъ подворья, даже водворилъ въ прежней нашей квартирѣ. Конечно, прежде всего, предложенъ былъ русскій самоваръ, но онъ не далъ намъ того ободренія, какое чувствуется здоровымъ человѣкомъ, потому что испорченность нашего вкуса,

произведенная малярією, еще пребывала въ насъ. И ранній обѣдъ, состоявшій изъ одной туземной растительности, хотя и приправленъ былъ кислотою и горечью, не подвѣршилъ нашихъ силъ, потому что къ намъ самимъ не воротилась еще та «приправа», которую мы потеряли въ Іерусалимѣ.

Сдѣлавъ и въ Царьградѣ заявленіе консулу о постигшемъ бѣдную паломницу несчастіи, мы затѣмъ бодрѣе продолжали путь свой, хотя физическія силы наши далеко не вернулись къ намъ. На этотъ разъ и палуба наша понаполнилась существами разумными (не такъ, какъ было отъ Одессы до Константинополя: почти одвѣ куры да коровы), да и число «блаженствовавшихъ» на рубкѣ по крайней мѣрѣ утроилось; къ тому же и сердцемъ чувствовалась близость отечества, гдѣ и самый «дымъ намъ сладокъ». Все это взятое вмѣстѣ возвышало духъ. Этому возвышенію духа, по крайней мѣрѣ во мнѣ, способствовало особенно одно чисто случайное обстоятельство: въ числѣ пассажировъ, занимавшихъ мѣсто на рубкѣ, былъ одинъ молодой человекъ, симпатичный по наружности, развязный въ обращеніи и любезный со всѣми сосѣдями. Возлѣ него постоянно группировалось пять-шесть собесѣдниковъ, которымъ онъ внушительно что-то проповѣдывалъ, либо декламировалъ, а подчасъ затягивалъ въ полголоса какой либо музыкальный мотивъ. Я также поинтересовался познакомиться съ нимъ, и могу только пожалѣть, что это знакомство продолжилось не болѣе двухъ дней. Взаимное влеченіе другъ къ другу у насъ обоихъ было сильное, особенно сильны были порывы къ обмѣну мыслями и взглядами, такъ какъ оба мы принадлежали къ породѣ педагоговъ: онъ состоялъ преподавателемъ греческой литературы въ Константинополѣ (въ паспортѣ, предъявленномъ одесскому градоначальнику, онъ наименованъ «профессоромъ»), я тоже числюсь въ преподавателяхъ греческаго языка, а *similis similibus*, какъ извѣстно, *gaudet*. Но влеченіе это, порывы эти задерживаемы были тѣмъ, что онъ очень мало практиковался въ русскомъ разговорномъ языкѣ, хотя съ книжнымъ былъ знакомъ, а я съ ново-греческимъ былъ и вовсе не знакомъ, если не считать тѣхъ мимолетныхъ свѣдѣній, которыя получилъ отъ юнаго содержателя гостиницы въ Іерусалимѣ. Изъ дальнѣйшаго оказалось, что «профессору» моему извѣстенъ былъ латинскій (конечно книжный) языкъ и (книжный же) французскій. Меня тоже—лѣтъ сорокъ, пятьдесятъ тому назадъ обучали обоимъ этимъ языкамъ. Хоть съ тѣхъ поръ много воды утекло, но я съ благодарными чувствами вспомнилъ теперь о бывшихъ своихъ настав-

никахъ, приневоливавшихъ задалбливать вокабулы: благотворныя послѣдствія этого метода, который иные называютъ безтолковою «зубристикой», отозвались въ настоящемъ затруднительномъ положеніи. Имѣя въ своемъ распоряженіи хоть и скудный лексическій матеріалъ, сохранившійся въ памяти со времени школьнаго обученія, мы создали себѣ какой-то смѣшанный «международный» языкъ въ родѣ эсперанто или воляпюкъ: кто изъ насъ зналъ какое слово—греческое ли оно, или французское, или латинское—безъ стѣсненія и вставлялъ его въ разговоръ, даже заразъ иногда одно и тоже слово переводилъ на все извѣстные ему языки до тѣхъ поръ, пока не убѣждался, что собесѣдникъ понялъ его. Мнѣ кажется, что если бы встрѣча и общеніе съ профессоромъ греческой литературы начались, примѣрно, съ Яффы, то мы значительно усовершенствовались бы свой воляпюкъ и, можетъ быть, опубликовали бы его для употребленія на пароходахъ Чернаго, Средиземнаго и промежуточныхъ морей. Но и то зачаточное состояніе, въ какомъ находился нашъ воляпюкъ, позволяло намъ—одному восхищаться благозвучіемъ ново-греческой поэзіи, такъ какъ профессоръ прелестно декламировалъ и наизусть и по книжкѣ любимыхъ имъ поэтовъ и сопровождалъ краткими поясненіями или по крайней мѣрѣ восторженными похвалами, адресованными на имя поэта, другому—улаждаться гармоничностью произведеній Жуковскаго, либо Пушкина. А когда я прочиталъ нѣсколько стиховъ сначала изъ Иліады почти съ подстрочнымъ переводомъ Гнѣдича, а потомъ изъ Одиссеи, съ переводомъ Жуковскаго, то восхищенію профессора и предѣловъ не было. На вопросъ мой, вѣрно ли мое греческое чтеніе и мое скандованіе, онъ отвѣтилъ мнѣ по французски: «вы читаете очень хорошо». Во всѣхъ греческихъ учебныхъ заведеніяхъ, прибавилъ онъ, читаютъ не иначе, какъ и вы (по рейхлиновски). Свидѣтельство этого профессора я сопоставилъ съ свидѣтельствомъ директора смирнскаго музея, съ свидѣтельствомъ іерусалимскаго архиепископа и юнаго содержателя ксенодохи въ Іерусалимѣ же: все они согласны въ своихъ свидѣтельскихъ показаніяхъ. Нѣсколько позже пришлось мнѣ получить еще болѣе авторитетное подтвержденіе той же истины отъ высокочтимыхъ профессоровъ новороссійскаго университета, извѣстныхъ классиковъ В. И. Модестова и А. В. Никитскаго, съ которыми я имѣлъ удовольствіе бесѣдовать въ Одессѣ ¹⁾).

¹⁾ Свой взглядъ на этотъ вопросъ проф. В. И. Модестовъ затѣмъ неодно-

День приближался къ вечеру. Профессоръ преподносилъ мнѣ наизусть цѣлыя тирады то изъ Гомера, то изъ Эукидида, то изъ трагиковъ, восторженно декламируя ихъ. А когда, сидя съ нимъ на рубкѣ у самаго борта, я обратилъ его вниманіе на верхніе слои воздуха и сказалъ словами Пушкина: «вотъ взопла луна золотая»... пояснивъ, что луна—это *σελήνη*, онъ отвѣтствовалъ мнѣ, что «*apud Græcos recentio ris temporis nominatur hoc φεγγάρι, поп *σελήνη**», и въ подтвержденіе продекламировалъ звучные стихи, сложенные въ похвалу *φεγγάρι*. Между тѣмъ, «ночной зефиръ» не на шутку сталъ «струить эфиръ», поднялось очень порядочное волненіе и началась весьма чувствительная качка. Прислонившись къ самому борту, мы любовались на разгулявшіяся волны. Мнѣ пришло въ голову произнести нѣсколько звукоподражательныхъ стиховъ изъ Гомера, и мой профессоръ не утерпѣлъ, чтобы не пригласить двухъ-трехъ земляковъ, и рекомендовалъ имъ меня, какъ „*πολλά προχομμένοσ*“.

Между тѣмъ, вѣтеръ все усиливался, и море бушевало. Профессоръ греческой элоквенціи укрылся въ каюту, а я, укутавшись большимъ платкомъ, прилегъ было на скамейкѣ, что по самой срединѣ рубки; но вспомнивъ, что къ разсвѣту слѣдующаго дня мы должны быть въ Одессѣ, сообщилъ объ этомъ своимъ компаніонамъ, чтобы багажъ нашъ былъ въ полномъ сборѣ. Закуетились и всѣ пассажиры при видѣ приближающейся Одессы. Приближаясь къ пристани, мы любезно распростились съ греческимъ профессоромъ и, обмѣнявшись съ нимъ на память своими facsimile въ нашихъ записныхъ книжкахъ (его подпись такая „*Εὐστάθιος Σταύρου Πομπέσχοσ*“), я поторопился къ своей компаніи помогать выносить свои вещи. Пройдя обычныя мытарства таможни, мы отправились въ прежнее наше Пантелеймоновское подворье, куда прибыли уже около 10 часовъ. Напротивъ самаго подворья я замѣтилъ на небольшомъ шатерчикѣ надпись: «продажа прохладительныхъ напитковъ» и, между прочимъ, «квасу». Съ такимъ же радушіемъ, какъ и прежде, встрѣтилъ насъ на дворѣ подворья послушникъ Василій и самъ о. Пантелеймонъ, поздравившіе насъ съ благополучнымъ возвращеніемъ изъ св. града. Упорядочивши свои пожитки въ отведенной намъ квартирѣ, я инстинктивно двинулся къ надписи на шатерчикѣ. Подбутылки квасу я выпилъ, не отрываясь отъ стакана, а три полбутылки

взялъ съ собою для компаніи. И удивительное дѣло: съ каждымъ глоткомъ этого напитка, отъ котораго бы «нѣмцу смерть», ощутительно возвращался ко мнѣ потерянный еще въ Іерусалимъ вкусъ. Тоже замѣчалось и въ остальной нашей компаніи, и мы во все пребываніе наше въ Одессѣ—а оно съ 11 авг. продолжилось, по особеннымъ обстоятельствамъ, до 15-го — нещадно отпивались квасомъ. И для обѣда я попросилъ приготовить ботьвинью съ свѣжей осетриной, которая тамъ на выборъ по 10 к. за фунтъ. Къ прочимъ статьямъ аеонской трапезы мы не прикоснулись, а блюдо, въ составъ котораго входилъ квасъ, воспринято было всѣми не безъ аппетита. Это былъ собственно первый нашъ обѣдъ послѣ іерусалимскаго въ 20-е число іюля до пораженія маляріей.

Остальная наша компанія, по случаю субботы, отправилась возблагодарить Господа въ ближайшую къ подворью церковь, а я взялъ извозчика (тамъ опредѣленная такса: за всякій «конецъ», безъ различія разстояній, 20 к.) въ соборъ, чтобы кстати узнать что нибудь о владыкѣ Никанорѣ, съ которымъ не посчастливилось видѣться по пути въ Іерусалимъ. Передъ концомъ всеобщей я зашелъ въ алтарь, гдѣ узнавъ, что владыка радъ будетъ видѣть меня, такъ какъ ранѣе выражалъ сожалѣніе, что не пришлось встрѣтиться въ іюнь, отправился въ архіерейскій домъ, гдѣ только что окончилась служба. Вскорѣ пришелъ къ владыкѣ его секретарь, а затѣмъ и викарій, преосв. Николай—посоветываться на счетъ завтрашней службы. Послѣ обычныхъ представленій поданъ былъ чай. Среди родственной бесѣды владыка часто откидывался спиной на широкій диванъ: видимо было, какъ онъ тяготился сидѣніемъ по обыкновенному способу,—говорилъ, между прочимъ, о своей болѣзни, о безуспѣшности и даже бесполезности врачебнаго пользованія, потому что, по его собственному разсужденію, отличавшемуся отъ докторскихъ разсужденій, причина его болѣзни заключалась не въ простудѣ или другомъ какомъ случайномъ обстоятельстве, а «единственно въ 64-лѣтнемъ его возрастѣ».

На завтрашній день (воскресенье 12 авг.), мы съ женой направились къ обѣднѣ въ архіерейскій домъ, гдѣ былъ и владыка, хотя только слушавшій литургію изъ алтаря. Внутреннимъ ходомъ оттуда онъ прошелъ въ свою квартиру, куда послѣдовали и мы. Тамъ, между прочимъ, мы встрѣтились съ однимъ молодымъ монахомъ изъ студентовъ св. духовной академіи, отправлявшимся въ вачествѣ миссіонера въ Японію. Преосв. Ника-

норъ, къ которому ученый инокъ обратился за разъясненіемъ предстоявшаго ему апостольскаго призванія, предостерегалъ его отъ разныхъ опасностей на этомъ пути, которыя не легко ему будетъ препобѣждать въ такихъ мѣстахъ и въ отдаленіи отъ опытныхъ руководителей, и по этому поводу рассказалъ, что еще предъ окончаніемъ семинарскаго курса, когда ему не было и двадцати лѣтъ, онъ и самъ стремился къ апостольскимъ подвигамъ и даже оффиціально просился о назначеніи въ одну изъ миссій; но порывы его были остановлены, и онъ поступилъ въ духовную академію... «Дай Богъ вамъ устоять непреткновенно въ путяхъ апостольскихъ, но — блюдите, како опасно ходите, и молитесь, да не внидите въ напасть», заключилъ владыка. Во время школьнаго обученія съ Александромъ Ивановичемъ, позволю себѣ сказать по старинному: съ «Сашей» (это мірское имя преосв. Никанора), мы видѣлись почти ежедневно: онъ былъ въ училищѣ, а я въ семинаріи одного и того же города: онъ въ архіерейскомъ хорѣ, а я въ архіерейскихъ чиновникахъ; онъ перешелъ въ словесный, а я въ богословскій классъ. Хотя, по распоряженію начальства, онъ перемѣщенъ въ спб. семинарію, а я заканчивалъ семинарскій курсъ въ провинціи, однакожь прежнія частыя свиданія замѣнились оживленною перепиской. Вскорѣ затѣмъ мое поступленіе въ спб. духовную академію дало случай повторенію прежнихъ свиданій, о которыхъ самъ покойный Преосвященный намекаетъ въ одномъ своемъ сочиненіи, именуя меня своимъ «братомъ». Такая родственная близость относилась къ 1837—1847 годамъ, но съ 47 года мое окончаніе курса въ академіи и поступленіе на духовно-учебную службу въ провинціи, а его поступленіе въ академію и постриженіе въ монашество надолго разлучило насъ, хотя и никогда не прекращалась взаимная симпатія между нами.

Хотя пріемъ былъ очень ласковъ, даже родствененъ, но владыку видимо одолевалъ глубоко гнѣздившійся недугъ, который черезъ четыре съ половиной мѣсяца свелъ его и въ могилу. Снабдивъ насъ имѣвшимися тогда у него подъ руками своими сочиненіями и брошюрками, прощаніе свое онъ заключилъ словами: «чувствую, что это свиданіе послѣднее въ этомъ мірѣ». Къ глубокому прискорбію моему, а конечно и многихъ другихъ—предчувствіе владыки оправдалось даже очень скоро: случайно бывъ, въ концѣ дек. 1890 г., въ СПбургѣ, я какъ разъ попалъ на панихиду по скончавшемся архіепископѣ Никанорѣ.

Не много болѣе какъ черезъ сутки мы были уже въ Кіевѣ.

Раннимъ утромъ мы съ женой отправились на акаецствъ въ «великой церкви», а затѣмъ пошли къ ранней обѣднѣ «при покояхъ», въ надеждѣ увидѣть тамъ мастатаго митрополита Платона, получить его благословеніе и «повѣдать» ему о нашемъ пребываніи въ Іерусалимѣ и на Сіонѣ, какъ самъ онъ заповѣдалъ, преподавая мнѣ напутственное благословеніе 26 іюня.

Окончлась служба обычнымъ образомъ, но не обычнымъ было то, что царскія двери не отверзлись на этотъ разъ, и владыка митрополитъ, хотя и былъ въ алтарѣ, но внутреннимъ ходомъ, а не черезъ церковь прошелъ въ свои покои. Минуты черезъ двѣ-три секретарь его выходитъ въ пріемную и объясняетъ богомольцамъ, ждавшимъ обычнаго благословенія, что владыка сегодня не выйдетъ, чувствуетъ себя нездоровымъ. Въ числѣ многихъ прочихъ и мы готовы были оставить церковь и пріемную, но любвеобильное сердце владыки подвигло его открыть дверь пріемной и преподать хоть общее благословеніе молившимся. Мы стояли ближе другихъ къ этой двери, и когда я, поклонившись, чтобы облобызать благословившую десницу, не громко доложилъ, что мы «изъ Іерусалима» и при этомъ указалъ и на жену, онъ тоже тихонько отодвинулъ насъ въ сторону и, сказавъ: «останьтесь», сталъ благословлять и остальныхъ. Затѣмъ онъ ввелъ насъ въ свою гостиную и, указавъ на два кресла у самаго дивана, на который сѣлъ самъ, сталъ спрашивать насъ о Іерусалимѣ и тамошнихъ порядкахъ, о патриархѣ Никодимѣ, съ которымъ видѣлся нѣсколько разъ и въ Москвѣ, и въ Спбургѣ, и въ Кіевѣ, объ Одессѣ и тамошнемъ преосвященномъ Никанорѣ, съ которымъ былъ въ особенной близости, такъ какъ въ Ригѣ они служили вмѣстѣ, а затѣмъ преосв. Никанору приходилось преемствовать митрополиту на архіерейскихъ кафедрахъ. Это обстоятельство выставилъ намъ на видъ и самъ владыка, прибавивъ, что «дастъ Богъ, и здѣсь будетъ моимъ преемникомъ,—дни мои изочтены». Мѣсяца черезъ четыре, мнѣ посчастливилось еще разъ видѣть владыку митрополита въ Спб. въ его кіевскомъ подворьи, и какъ разъ на другой, либо на третій день послѣ панихиды по скончавшемся высокопреосв. Никанорѣ. Между прочимъ, владыка сдѣлалъ и такое замѣчаніе: «вотъ Никаноръ шелъ все за мною, а теперь успѣлъ и опередить меня; но, конечно, не на долго». Предчувствіе, какъ извѣстно, оправдалось. Несмотря на слабость, владыка просидѣлъ и пробесѣдовалъ съ нами около часа и велѣлъ затѣмъ проводить насъ къ о. намѣстнику, чтобы тотъ насъ сна-

бдиль «рукавичками, шапочками и платочками» отъ святыхъ мощей и чудотворной иконы.

Въ 10^{1/2} часовъ вечера (17 авг.) мы были уже на желѣзнодорожномъ вокзалѣ, и поѣздъ помчалъ насъ чрезъ обширныя равнины родной земли къ нашему господину «великому Новгороду». По дорогѣ я не преминулъ побывать на могилѣ (въ Ольговѣ, близъ Рязани) присвопаятнаго моего друга-архипастыря Леонида, бывшаго епископа екатеринославскаго, которому собственно принадлежала и первая мысль о паломничествѣ во св. градъ. Роемъ пронеслись въ моей головѣ пережитые дни близкихъ отношеній съ покойнымъ архипастыремъ. Поклонившись его праху, мы двинулись дальше, въ бѣлокаменную Москву, гдѣ поклонились Иверской Богоматери. Затѣмъ еще одни сутки и—своимъ благополучнымъ возвращеніемъ мы обрадовали своихъ домашнихъ, съ которыми были въ разлукѣ полныхъ два мѣсяца.

Н. Бр—чь.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки